

Александр Афанасьев

НАРРАТИВ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В современной методологической литературе хорошо осознан кризис универсалистски-рационалистических научных представлений. Происходит пересмотр принципов и размывание границ научной рациональности, претендовавшей на адекватную репрезентацию реальности. Осуществляется проникновение понятий и методов гуманитарных наук в социальные и естественные науки, а не только наоборот, что вновь и вновь ставит вопрос о способах репрезентации природной и социокультурной реальности. Методология науки все чаще обращается к категориальному базису и методам гуманитарных наук. Одной из причин такой ситуации стало понимание ограниченности позиции субъекта как автономного и незаинтересованного наблюдателя, осмысление его детерминированности различными социокультурными формами, в особенности социальными и языковыми стереотипами. Гипотезы теоретиков структурализма и постструктурализма о текстуальности и нарративности форм культуры очень быстро вылились в происходящий на наших глазах нарративный поворот в научных исследованиях, когда понятия нарратологии широко используются не только в рамках литературной теории структуралистского толка, а в самых различных областях знания. Сильный резонанс имела идея Ж. Ф. Лиотара о замене объяснительных теорий нарративами. В этой связи **актуализируется проблема методологического анализа сущности нарратива как формы бытия знания в культуре, в частности, его репрезентативной функции и способов его включенности в социокультурную реальность.**

Нарратив (от английского «narrative» – повествовательный, повествование) как эмпирическая данность весьма разнообразен, но, на первый взгляд, очень прост. Это различные истории: рассказы для детей, дискуссии на кухне, автобиографии, воспоминания об отпуске, сообщение о приснившемся сне или о болезни, обсуждение научных проблем. Длительное время нарратив исследовался лишь в теории литературы и лингвистике. Было, в частности, установлено, что понятие «нарратив» означает несколько иное, чем повествовательный текст, рассказ. Акцент делается не на событие рассказывания, а на сами рассказываемые события, на «историю», которая как бы упорядочена еще до текстуального изложения. Но такая упорядоченность возникает, как утверждают нарратологи, именно благодаря повествованию, только эта работа остается обычно незаметной, что порождает иллюзию объективного описания реальных упорядоченных в пространстве и во времени событий. Поскольку повествование присуще любой сфере человеческой

деятельности, все возрастающий интерес к нарративу быстро вышел за пределы теории литературы.

Понятие нарратива было обобщено, расширено и в то же время специфицировано в широком спектре вопросов, изучаемых лингвистикой, литературоведением, психологией и др. Нарратив стал не просто предметом многих теоретических исследований. Его прочат на роль настоящей парадигмы методологии гуманитарного и не только гуманитарного знания. Главным источником нарративного поворота считается «открытие в 1980-х гг. того, что повествовательная форма – и устная и написанная – составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования» [2, с. 30]. С одной стороны, это – проявление общего кризиса рационалистических методологических моделей, основанных на естественнонаучных идеалах, с другой – осознание ограниченности известных позитивистских и марксистских установок на поиск законов человеческого поведения.

Нарративный поворот сомкнулся с так называемым «лингвистическим поворотом» в исторической науке, то есть с мощной методологической самокритикой, которой подвергла себя западная историография во второй половине XX века. Тогда обратили внимание на обусловленность исторических концепций не фактами и даже не только философскими и идеологическими убеждениями и предрассудками историков, а, прежде всего, законами языка, применяемого в повествовательных целях, особенно схемами рассказывания.

Необходимые условия нарратива – действующие лица и развивающийся во времени сюжет. Этим условиям отвечают многие виды повествований: басни, мифы, сказки, фольклорные истории, объявления, эволюционные объяснения и т. д. в форме диалогов и монологов, литературных и обыденных историй, устных и письменных текстов. Сюда могут входить правдивые и вымышленные истории, некоторые исторические, правовые, религиозные, философские, научные тексты. В обобщенном смысле «нарратив – это имя некоторого ансамбля лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически, ограниченных уровнем мастерства каждого индивида и смесью его или ее социально-коммуникативных способностей с лингвистическим мастерством» [2, с. 30]. Нарратив представляет собой универсальную характеристику культуры в том смысле, что нет, по-видимому, ни одной культуры, в которой отсутствовали бы те или иные его виды. Любая известная человечеству культура была культурой, рассказывающей истории. Культуры аккумулируют и транслируют собственные системы смыслов и вообще опыт посредством

повествований, запечатленных в мифах, легендах, сказках, эпосе, драмах и трагедиях, историях, рассказах, шутках, анекдотах, романах, коммерческой рекламе и т. д. Способность быть носителем культуры неотделима от знания смыслов ключевых для данной культуры повествований. Степень социализации индивида также связывается с уровнем его языковой компетентности, решающим фактором которой является способность индивида рассказывать и пересказывать истории. Иными словами, без нарратива невозможно социальное взаимодействие, создание и трансляция различных видов знания, а также становление личности.

Рассказывание историй в виде исторических описаний, художественных повествований и т. п. представляет собой нарративное описание. В литературной критике, семиотике, историографии выделены черты нарративного описания, позволяющие охарактеризовать нарратив в рамках культуры.

Среди этих черт отмечают, во-первых, наличие конечной цели рассказа, из которой все упоминаемые события получают объяснение. Во-вторых, в нарративном описании имеет место отбор наиболее важных событий, непосредственно относящихся к конечной цели. В-третьих, в нарративе осуществляется упорядочивание событий в определенную временную последовательность. Функцию нарратива в темпоральном отношении часто называют «осюжечиванием». Сюжет является посредником между событиями и рассказываемой историей, объединяя хронологическое с нехронологическим, трансформируя события в историю, «схватывая их вместе в акте рефлексии и направляя к заключению или цели» [8, р. 286].

В то же время, не все формы организации и представления знания являются нарративами. Ненарративными, например, в науке, могут быть такие описания, объяснения, перечисления, логические рассуждения, модели, теории, классификации, в которых отсутствует повествовательная линия, цель или конец повествования, в соответствии с которыми выстраивается сюжет. В особенности это касается описания пространственных структур изучаемых объектов, где их изменения во времени несущественно, а, следовательно, нет сюжета. Хотя во всех науках ученые используют различные риторические приемы и повествовательные схемы, чтобы придать своим научным результатам вид объективных, трансцендентальных, вневременных и универсальных истин, но в самой организации структурной научной теории, особенно классической естественнонаучной, на первый план выходят ненарративные формы представления знания. При научном описании объекта факты подстраиваются не под цель повествования, а под принципы теории, где осюжечивание излишне. Это касается и гипотетико-дедуктивного

построения теории, и реализации ее предсказательной силы. Хорошая теория имеет неочевидные следствия, предсказывая явления или события, которые еще не открыты, следовательно, они не могут служить фактором выделения причиняющих их явлений или событий. Нарратив, напротив, при описании событий подразумевает состоявшееся или желаемое следствие, то есть, осознанно или неосознанно подразумевает последствия при описании предшествующих явлений, увязывая эту последовательность в сюжет. Марксистская теория общественно-экономических формаций являла собой такого рода нарратив. На первый взгляд коммунизм представлялся закономерным следствием, предсказанием теории, на самом деле под него как под цель подстраивалась вся теория. Возможно, в эволюционных теориях, так или иначе учитывающих направленные изменения, без нарративной формы нельзя обойтись в принципе. Но нарративная структура научных текстов не отменяет их научности. Хорошую теорию от плохой отличают не по присутствию или отсутствию нарратива, а по наличию неочевидных предсказаний и другим признакам научности. Классификации животных или исторические хроники как простые списки, имеющие для науки неопределимое значение, не являются нарративами [6]. Но практически всегда они могут быть представлены как часть более широкой нарративной формы или сами включать в себя нарратив. Например, классификация животных по уровню опасности, которой они подвергаются в результате человеческой деятельности, может включать драматические рассказы о вымирании целых видов. Аналогично, исторические хроники могут быть снабжены комментариями, реализующими определенную сюжетную линию.

Наука и философия, особенно в период становления науки Нового времени, много сил потратили на то, чтобы исключить из научных описаний цель, которая так важна в нарративном описании. Бэкон, Декарт, Спиноза, Ньютон, различая физику и метафизику, исключали конечную причину и цель из природы и соответственно из физики. «Весь род тех причин, которые обыкновенно устанавливают через указание цели, неприменим к физическим и естественным вещам» [4, с. 522]. Устранение принципа целесообразности из естествознания Нового времени превратило природу в незавершенный механический ряд, не имеющий внутри себя конца и смысла. Но завершенность, смысл, целесообразность, упорядоченность приносились в науку не только научными понятиями и принципами, но и самой структурой научных текстов. Они говорили как бы от имени природы, благодаря условной риторике и образцам научной речи, например, опусканию местоимений, использованию страдательного залога, беспристрастному тону и другим

обязательным лингвистическим структурам, делающим научные тексты убедительными. Так «Оптика» Ньютона использовала принципы построения и терминологию работ Эвклида, заимствуя их риторическую силу, хотя содержала только описания экспериментов и их результатов [7, с. 53]. С конца XX века цели, ранее исключенные из научных описаний, стали возвращаться в нее. «Постнеклассическая рациональность учитывает соотношенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности» [5, с. 18]. Более того, «только в том случае, если мы вернем рациональности ее изначальное значение, если поймем ее как разум, как смысл, мы сможем положить в основу как наук о природе, так и наук о культуре единое начало, единый принцип целесообразности, преодолев, наконец, их застарелый дуализм» [3, с. 14].

Хотя постмодернизм констатирует «смерть субъекта» в плане растворения его в социокультурных структурах, имеются веские основания утверждать, что сами эти структуры порождают его вновь [1]. Одной из таких порождающих структур является нарратив, из которого автор, он же субъект, неустраним.

Воссоздание субъекта, в свою очередь, ставит вопрос об объекте, а, следовательно, так или иначе о соотношении самого повествования с тем, о чем повествуется. Содержание повествования, разворачивающееся в нарративе, «не существует как таковое, само по себе, а оказывается связанным различными способами со структурой, формой и целями его письменной или устной презентации» [2, с. 33]. Как было показано, само описание может быть как ненарративным, так и нарративным, но сам нарратив, всегда будучи описанием, не является простой фиксацией наличествующих вещей и происходящих событий. Истории рассказываются в некоторой форме, с известных позиций, в определенном контексте, из-за чего представляется далеко не вся реальность, да и то по-разному. В то же время описание событий не является исключительным изобретением рассказчиков, поскольку говорит о реальных вещах и событиях. Примером могут служить тексты в учебниках по истории, когда исторические события, действительно имевшие место, выстраиваются в контекстах развития, прогресса или наоборот – упадка, не говоря уже об идеологических интерпретациях.

Анализ репрезентативной функции нарратива связан, прежде всего, с определением реальности. Можно было бы сказать, что под реальностью, которую исследует, например, историк, понимаются происшедшие в прошлом события. Но исследователь выделяет именно данные события, исходя из своего исследовательского интереса. Причем эти события даны ему некоторым историческим документом, написанным некоторым автором. Даже если автор никак не истолковал записанные

события, он все равно их почему-то выделил, оставив тем самым свое присутствие, свой голос в документе.

Таким образом, реальность никак не дается нам «сама по себе», она говорит множеством голосов, которые эту реальность интерпретируют и даже могут изменять до неузнаваемости. О реальности можно говорить лишь в определенном смысле, в рамках выделенного исследователем голоса, когда выявлены намерения, цели и вообще контекст исследуемой эпохи, который также интерпретируется неоднозначно. Тем самым вопрос о «подлинной» реальности снимается. Можно говорить о множестве реальностей, одна из которых предпочтительнее других по некоторым основаниям. Ей и приписывается статус объективности. Более того, мы как бы сами создаем реальность в виде определенных историй, выстраивая ее по правилам нарратива. Реальностью становится сам рассказ. В этом смысле он не имеет референта вне себя, он самореферентен. Ссылка на некоторое реальное событие, которое, как подсказывает наша материалистическая или наивно реалистическая интуиция, действительно имело место, ничего не дает для описания, объяснения, понимания события, поскольку одно событие или их ряд бессмысленны вне связи, вне целостности, вне цели повествования. Все это дает право утверждать, что события или историческая реальность «в себе» – это всего лишь только «простая» последовательность без начала, середины и конца, которую, впрочем, еще никому не удавалось репрезентировать в чистом виде, хотя бы вследствие бесконечности вмещающихся в нее событий и нарративной формы представления.

Собственно нарратив описывает не столько саму реальность, сколько ее конструкцию как это делает и физическое описание природных явлений, особенно в неклассической и постнеклассической науке. Однако следует подчеркнуть, что нарративное конструирование порождает особые последствия, преобразующие реальный мир не только в теории или его «картине», но и в мире человеческого бытия, чего не делает естественнонаучное описание с миром природы. Естественнонаучная теория, не являясь копией реального мира, все же не переделывает его в буквальном смысле, хотя может этому способствовать через технические науки и инженерную практику. Нарратив же вписывается в реальную жизнь, являясь ее существенной частью, порождая многие ее аспекты. Поэтому наиболее важной представляется конституирующая, порождающая саму реальность функция нарратива. В этом пункте описательно-конструктивная функция нарратива принципиально отличается от соответствующей функции теории, особенно естественнонаучной. Например, правила игры в футбол могут быть

изложены так, как обычно поступает теория с явлениями, в данном случае как описание соответствующих действий футболистов на поле. Это важно, например, для судей, болельщиков и самих футболистов, которые могут, благодаря написанным правилам, отличить правильные действия от неправильных. Но тем самым лишь уточняется смысл игры, который уже известен. К тому же далеко не всякое описание выражает подлинный смысл футбола. Поэтому добрый старик Хоттабыч награждает всех игроков на поле мячами, чтобы каждый мог вволю поиграть и не сражался бы за один-единственный мяч. Но ведь когда-то футбольные правила создали футбол именно как ту новую реальность с новыми смыслами, которой раньше не было. И всякий раз для обучающихся футболу и обслуживанию игры ее правила выступают нарративом, порождающим целую сферу нового бытия со своими собственными смыслами: саму игру, футболистов, судей, болельщиков, стадионы, футбольную инфраструктуру и т. д. Элементы этого бытия в принципе могут быть описаны иначе и выполнять другие функции, реализуя иное бытие: зарабатывание денег, отдых и др.

Аналогично обстоит дело с автобиографиями. Они представляют собой нарративы, на первый взгляд описывающие реальные жизненные ситуации. Но в то же время и в первую очередь они конструируют саму жизнь, приобретающую тот смысл, который задан данной формой автобиографии, той последовательностью, которую выбрали, и которая соответствующим образом увязала факты, например, как прогрессивное восхождение к некоторой цели, или, напротив, как регрессивное падение, скольжение по наклонной плоскости, вырождение и т. п. «За кадром» осталось бесконечное число событий и их связей, которые могли быть увязаны другими нарративами, выстроив тем самым иные жизни. Более того, автобиографический нарратив не только конструирует прошедшие события в связанное целое, он и во многом предопределяет последующее поведение людей, «продлевая» смыслы, стимулируя усилия на достижение определенных целей, заданных, например, прогрессистским нарративом, придавая завершенность жизненным этапам, нацеливая на последующие достижения. Аналогичную функцию выполняет и нарратив общественного прогресса: происходящие изменения трактуются как прогрессивный рост и развитие, а существующие неудобства, лишения и страдания рассматриваются как преходящие, временные на пути к счастливому будущему. Так индивидуальная или социальная реальность в соответствующие временные отрезки принимает ту нарративную форму, которая оказывается более подходящей для решения определенных задач.

В то же время в нарративах события не группируются произвольно. Порядок повествования в некотором смысле объективен: он не задается

только рассказчиком, историком или иным субъектом. Ведь существуют разнообразные, но определенные культурные нормы, в которых сформировался субъект и в которых может разворачиваться реальная жизнь, научное и культурное творчество и сама наррация. Поэтому нарратив может выступать специфической формой связи между личностной реальностью и культурой. Рассказывая истории, мы конструируем себя в данной культуре и соответствующей социокультурной нише, например, в научном сообществе. «Нарратив – это слово для обозначения специального набора инструкций и норм, предписывающих, что следует и чего не следует делать в жизни, и определяющих, как тот или иной индивидуальный случай может быть интегрирован в некий обобщенный и культурно установленный канон» [2, с. 37].

Нарратив как модель мира может представлять вымышленный мир, но исследователь или просто читатель находясь в этом вымышленном мире, рассуждает и переживает, как в мире реальном. В этом плане нарратив выступает своеобразной формой эксперимента, в котором проверяются введенные воображением свойства вымышленного мира. Кроме того, вымышленные персонажи зачастую продолжают жить в реальном мире как, например, нравственные образы или образцы, по которым выверяется реальное поведение людей. Литературные образы Рахметова, Базарова, Онегина, Печорина, Манилова, Плюшкина и др., как и нарративы биографий реальных людей, были нравственными ориентирами или антиориентирами для целых социальных групп и поколений. Примером может служить образ «великой и трогательной дружбы» Маркса и Энгельса или образ Ленина как идеального человека. «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше» – эти стихи В. Маяковского вызвали к жизни не одно индивидуальное бытие. В этом смысле нарратив является частью реальной человеческой жизни, а не просто ее теоретическим конструктом.

В качестве вывода можно отметить, что нарратив является неустранимым элементом социокультурной реальности, в которую включен различным образом. Это позволяет ему быть и формой представления знания, и способом социализации личности, и средством конструирования реальности. Нарратив не отменяет иные формы организации знания, но их исследование неадекватно без учета нарративной структуры. Выполняя репрезентативную функцию, нарратив сам конструирует представляемую реальность. Вписываясь в социокультурную реальность, нарратив участвует в создании индивидуального и социального бытия.

1. Агафонова Е. В. Соотношение автора и нарратора в современном

философском дискурсе (в контексте смерти субъекта) // <http://www.humanities.edu.ru/db/sect190>.

2. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – № 3.
3. Гайденок П. П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. – 1991. – № 6.
4. Декарт Р. Избр. произв. – М., 1957. – Т. 1.
5. Степин В. С. Научное познание и ценности технотронной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – № 10.
6. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение XIX в. – Екатеринбург, 2001.
7. Харре Р. Социальная эпистемология: передача знания посредством речи // Вопросы философии. – 1992. – № 9.
8. Ricoeur P. Hermeneutics and Human Science. – Cambridge university press, 1995.